

Мама мной была беременна,
И чем дальше, тем ходила медленнее.
Поднималась по ступенькам медленно,
медленно.
Дольше прочих лежала на сохранении.

А за окном ходила жизнь, наверно, быстрая,
Но все внизу. А на маминой высоте
Последнего этажа жизнь зависла,
Пушинкою в занавеску влетев.

Мама угодила в застывшее время.
Стала тиха, как крылечко летнее,
Стала одинокая и уверенная.
Так иногда бывает, если ты последняя.

Небо темнело, потом светлело.
Мама рожала медленно, медленно.
«Не спеши», — говорила мне она,
Но я родилась и стремглав полетела.

Я хотела вместить в себя все целиком,
То, что мне нужно, было где-нибудь далеко.
Я скидывала все, что цепляется за подол.

А мама становилась широкой, что циферблат.
Мне снилось, что ноги ее прибитые под столом,
Несмотря ни на что, шагают назад.
А головы ее никогда не видно за той луной,
И я все время куда-то бежала во сне.
Она говорила: «Остановись, побудь со мной»,
И ее голова превращалась в снег.

Она сидела в парке под разросшейся липой,
В красивом бледно-рыжем платке.
И если бы Бог допивал наш литр,
Она была бы в последнем глотке.

Если бы все происходило медленно,
Как матерями и временем велено,
Меня бы догнал то ли Бог, то ли бес, но
Пока я петляю — ему интересно.

Одним невезучим тридцатым летом
Чья-то рука мне обвила цепь
Зеленого грустного велосипеда,
И я научилась всерьез лететь.

В больнице меня лечили медленно.
Висли врачи надо мною кранами.
Кости и связки срослись, но странное
Что-то проснулось во мне от матери.
Я вышла на свет в воскресенье рано
И поняла, что начала отставать.

Сперва это было едва заметно.
Я опережала крыши и ветки,
Я даже была быстрее ответов.
Но дальше пошли тревожные знаки.
Мне стало неинтересно все это.
Я уступила чужой собаке.

Я уступила кому-то свой велик,
Я бросила бегать по вечерам.
На кассе кто-то сказал, что я медлю,
Прохожий сказал: подо мной дыра.

Я послушала и посмотрела вниз.
Воронка, действительно, разрасталась.
Мама взглянула и сказала: «Молись,
С тобой самое страшное — это старость».

Старость моталась за мной, как половая
Тряпка, черная до краев.

Старость была молодая, живая.
Преждевременная, как все мое.

А передо мной стояла мать.
Вот круглый живот и морщины, но
Матери очень легко стоять.
Под нею светлое есть пятно.

И тогда она, глядя по шее,
Стала что-то тащить из моих ушей.
И потом, чтобы избежать искажений,
Шепнула мне в ухо: «Где твоя жизнь?».
Но жизнь не откликнулась ей уже.